

АЛЕКСАНДР
ВЕЛЬТМАН

ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ

Александр Фомич Вельтман

Костештские скалы (Литературные памятники)

Разносторонность интересов и дарований Александра Фомича Вельтмана, многогранность его деятельности поражала современников. Прозаик и поэт, историк и археолог, этнограф и языковед, директор Оружейной палаты, член-корреспондент Российской академии наук, он был добрым другом Пушкина, его произведения положительно оценивали Белинский и Чернышевский, о его творчестве с большой симпатией отзывались Достоевский и Толстой.

В настоящем сборнике представлены повести и рассказы бытового плана ("Аленушка", "Ольга"), романтического "бессарабского" цикла ("Урсул", "Радой", "Костештские скалы"), исторические, а также произведения критико-сатирической направленности ("Неистовый Роланд", "Приезжий из уезда"), перекликающиеся с произведениями Гоголя.

Содержание

#1	0004
ПРИМЕЧАНИЯ0029

В тысяча восемьсот таком-то году один Юный «офицер-ди-императ»[1] сидел в белой, раскрашенной вавилонами снаружи и внутри «касе» селения Каменки; сидел в сонливом, а может быть, и грустном положении, склонив голову на перекрещенные руки на столе.

— *Боер дорми!* Боярин спит? — спросила хорошенькая, миленькая Ленкуца, дочь хозяйская, входя в комнату с букетом цветов в руках.

Юный офицер, которого мы назовем хоть Световым, молчал.

— *Яка, флоаре!* Посмотри-ка, вот цветы! — сказала Ленкуца нежно.

— Эй, кто тут есть! Скоро ли лошади? — вскричал юный «офицер-ди-императ», подняв голову.

Взор его был мрачен.

— Я давно сказал Афанасьеву, чтоб запрягал, — отвечал, притворив, двери, денщик.

Офицер опять склонил голову на руки.

— Ты сердишься? — сказала Ленкуца печальным голосом.

— А тебе что за дело? — сказал Светов, при-

подняв голову.

Взоры его блеснули, как у победителя.

— Как что за дело? — отвечала Ленкуца.

— Так ты любишь меня, Ленкуца?

— Нет.

— Как нет?

— Я и хотела бы, да не могу тебя любить...

— Отчего, Ленкуца? Скажи, драгуца моя.

— Оттого, что ты любишь другую.

— Это кто тебе сказал?

— Я сама знаю. Ты только в будни говоришь, что любишь меня, а сам всякой праздник уезжаешь бог знает куда.

— Что ж такое?

— Как что? Кто любит, тот праздники проводит с теми, кого любит... Вот и сегодня едешь...

— Я езжу к товарищам.

— И, полно! что ты нашел у товарищей?

— Уверяю тебя, Ленкуца.

— Если ты любишь меня, так не поедешь.

— Мне должно ехать.

— Так поезжай! — сказала Ленкуца, вырвав свою руку из рук Светова, и быстро выходя из комнаты.

Казалось бы, что одно только образование может дать природной красоте очаровательную приятность, голосу сладость, взорам томность, движениям непринужденность, стану статность, а сердцу нежную любовь; но это все было в Ленкуце, дочери «мазила», или молдаванского однодворца. Денкуца скромно удалялась от юношеских преследований Светова; он был в отчаянии. В первый еще раз она высказала ему неожиданно свою любовь, но он не мог исполнить ее требований остаться дома. Для свода съездов он должен был съезжаться с товарищами, и эти съезды обыкновенно бывали по праздничным дням.

Колокольчик зазвенел, четверка быстрых коней, запряженная в маленькую каруцу, украшенную резьбой, подъехала к хате.

— Ах, какая скука! — вскричал Светов.

— Готово, ваше благородие, — сказал вошедший пионер.[2] — Кому прикажете с собой ехать? Молдавану или мне?

— Ты поедешь.

Светов накинул на себя плащ и хотел уже садиться в каруцу, как вдруг с горы несется во весь опор четверка и прямо поворотила на

двенадцатисаженную вежу, которая возвышалась над палацом Светова и на вершине которой был воткнут соломенный «ивашка-белая-рубашка». Правил конями кто-то в широких шароварах, в белой куртке и в белой фуражке, правил стоя, как Аполлон конями солнца, и свистел, как Соловей-разбойник.

— Это наши, ваше благородие, — сказал Афанасьев, лейб-возница Светова, радостно смотря на полет коней.

— Кто ж это так отчаянно правит?

Не успел Светов произнести этих слов, кони как вкопанные, в пене и в паре, остановились подле хаты. Лихой кучер бросил к черту вожжи, соскочил с каруцы.

— Лезвик! — вскричал Светов.

— Каков у нас кучер? — крикнули сидевшие в каруце, которых под пылью нельзя было узнать в лицо.

— Лугин и Фантанов! Вы под пылью, как мертвецы в саванах. Ай, Лезвик, чудо! Я думал, что вас под гору несут лошади... прямо с крутизны к черту.

— Как бы не так! — сказал Лезвик. — Уж мы и править не умеем!

— Не с большим в три четверти часа двадцать верст.

— Как бы не двадцать!

— Ну, теперь пошел Лезвик спорить.

— Да разумеется: двадцать одна и триста сажен. Да и где ж три четверти часа?.. Мы выехали половина десятого...

— После поспорим, Лезвик; а теперь позавтракать да и в Костешти. А у тебя уж, Светов, и лошади готовы? Прикажи и нам дать свежих лошадей.

— Да мы трое усядемся на твоей каруце, а Лезвик опять будет править. Вместе веселее.

— Так уж лучше знаете ли что? Я велю запрячь воловью каруцу: засядем в нее и будем играть дорогой в бостон.

— Bravo! Славная выдумка! Приказывай!

— Эй, Афанасьев, ступай распорядись, чтоб сейчас же была воловья каруца, запряженная двенадцатью рысистыми волами. Каруцу обтянуть и покрыть сверху коврами, накласть в нее подушек и разостлать на них мой большой ковер.

Не успел денщик Светова поджарить куриных котлет, как послышался скрип каруцы,

крики и хлопанье бичами.

— Как прикажете, ваше благородие, я не умею править волами, — сказал вошедший Афанасьев.

— А ты не знаешь службы? Что прикажут, то и должен уметь.

— Уж, конечно, ваше благородие, наше подчиненное дело.

— То-то же! Поставить в каруцу складной стол и четыре складных стула... Да в погонщики волов двух верховых.

Покуда завтрак кончился, все уже готово.

Около каруцы собралась вся громада[3] села; все заботливо, как будто делали важное дело, помогали Афанасьеву укладывать и устанавливать в воловьей каруце, которая стояла, как дом на колесах: в ширину сажень, в длину две; колеса два аршина в диаметре, а ничем не смазанные буковые оси в палец толщины. Вообще молдавские воловьи каруцы бывают без обшивки; бока их составляют параболу, рогами вверх и на подставках.

— Это что за кавалерия, вооруженная бичами?

— Я приказал двух погонщиков, а их нае-

хал целый взвод, — отвечал Афанасьев.

— *Ной мержем ку боерь!* Мы поедем с боярином! — сказали вершники молдаване, которых набралось человек десять.

— Только двух нужно! — сказал Светов.

— *Лас, боерь... лас!* Оставь их, боярин, оставь! — сказал ватаман, кланяясь.

— Пусть их едут. Хайд! Мимо Ста-Могил!

— Садимся!

Товарищи засели в каруцу, покрытую сверху и завешенную по сторонам коврами. Афанасьев хлопнул хворостиной по волам; вершники крикнули "хайд!" и хлопнули залп бичами.

— *Буна друм, боерь!* Доброго пути боярину! — крикнула вся громада, сняв кушмы и провожая каруцу, которая со скрыпом потянулась из селения.

— *Хэ! маре драку костра боерь, тота каса ла рота пус!* Хэ, большой черт наш боярин, целый дом поставил на колеса!

По неровной дороге, берегом реки Каменки и в гору, волам дозволялось идти обычным своим шагом. Светов, Лугин, Фантанов и Лезвик играли спокойно в бостон; но едва волы

выбрались на отлогий скат к реке Пруту, верховые молдаване гикнули, хлопнули бичами по ребрам волов, и — волы поскакали, складной стол прыгнул с ножек, карты полетели, один из бостонистов опрокинулся на подушки, крича "восемь в сюрсах".[4]

— Проклятые! расстроили игру!

— Какая же игра, господа, на почтовых воллах! Пошел!

— Хайд! — повторили в десять голосов лихие «калараша», [5] свистнув и хлопнув по ребрам волов арапниками.

Выпучив глаза и подняв хвосты, волы скакали; каруца, не уступавшая величиной вагону железной дороги, мчалась быстрее паровоза; верховые молдаване как сумасшедшие скакали по сторонам с криками и хлопаньем. Лезвик, не утерпев, выскочил на передок, выхватил из рук Афанасьева хворостину, гикнул — одно мгновенье каруца была уже на береговой дороге, повернула к Костешти и вскоре очутилась на пространстве Ста-Могил.

— Тут, верно, было какое-нибудь сражение? — спросил любознательный Лугин.

— Это просто обросший от времени обвал

крутого берега.

— Не может быть! — сказал Лезвик.

— Отчего не может быть?

— Да так, быть не может.

— Доказательство ясно!

— Разумеется, что не может быть! — повторил утвердительно Лезвик.

Лезвик заспорил бы всех, но, к счастью, крик, хлопанье бичей, грохот и дребезг каруцы мешали спору.

С горы и по ровной дороге волы дружно несли ярмо, но едва подъехали к скалам Костештским, в гору, не тут-то было: ни волы, ни крик, ни арапники, ничто не везет. Нечего делать: послали Афанасьева в Костешти пригнать пары три свежих волов, а между тем Лугин, Фантанов, Лезвик и Светов вышли на отдельную высоту полюбоваться игрой природы.

Так называемые "скалы Костештские" выдаются из крутого берега реки Прута и берега реки Чутура и перелетают зубчатой стеной через реку Прут, которая течет сквозь брешь, пробитую, вероятно, волнами всемирного потопа.

Лезвик уже стал спорить, что это искусственные, а не природные скалы, но пригнанные три свежих пары волов втащили на гору прежних двенадцать и каруцу. Пора было ехать, чтобы не опоздать в Костешти к обеду товарища Рацкого. Девять пар волов прибыли наконец к деревне Костешти. Тут им придали рыси, и они скоком привлекли каруцу к хате Рацкого. Все, что было у него товарищей, высыпало дивиться торжественному приезду патриархальной колесницы.

— Посмотрите, господа, — сказал Лезвик, едва только успели надорваться груди от смеху: — вот говорят, что это природные скалы!

— Ха, ха, ха! — раздалось снова.

— Похожи на природные!

— Какие же природные, господа? — сказал один «офицер-ди-императ». — Это искусственные.

— Это просто была плотина, которую провала вода, — сказал Лезвик. — Пойдемте, посмотрите сами.

— Пойдемте, пойдемте сами! — вскричали все.

— Пойдемте.

До скал было не более двухсот шагов от квартиры Рацкого. Берегом реки подошли к гранитным воротам, сквозь которые катился сжатый Прут и где впадал Чугур. По камням пробрались на другую сторону, где был пикет казачий.

— Что, Лезвик? Искусственные скалы? Плотина?

— Разумеется. Спросите хоть у казака. Эй, казак, что это, плотина или, природные скалы?

— Чертова плотина, ваше благородие, — отвечал лихой казак.

— Все-таки моя правда, — сказал Лезвик.

— Согласны, если черт строил ее.

— По мне все равно, кто строил. Только я говорю, что искусственная, а не природная!

— Действительно, ваше благородие, черт строил, только не русский, а молдаванский, по имени "Драку".[6]

— Ты не был ли при этом?

— Нет, ваше благородие: это было в давние времена, при моем деде. Он вот как раз стоял на этом месте на часах и видел, как все происходило.

— А как же все это происходило?

— Долга сказка, ваше благородие, да при-
том же и не даровая.

— Вот тебе задаток, — сказал Светов, пода-
вая казаку золотую монету.

— Извольте слушать, — сказал казак.

"Вот, по сю сторону Чугура было царство Болгарское, а по ту сторону жили хохлы-рус-
наки. У хохлатского царя была дочь Лунка-ца-
ревна, а у болгарского хана "бритая голова,
плешь засаленная" был сын Тартаул-царевич,
великий богатырь и наездник. Когда пришло
время выдавать прекрасную Лунку-царевну
замуж, хохлатский царь послал гонцов во все
царства с портретами своей дочери и просил
царей и царевичей к себе на пир великий и
ратоборство, кому честь, и слава, и рука ца-
ревны. Вот съехались со всех стран цари, и
царевичи, и богатыри великие. Сам царь
встречает, есаулы гостей под руки принима-
ют. Началось полеванье. Всех победил угор-
ский королевич.

— Ну, — говорит, — богатыри и витязи, с
кем еще копья померять, силы изведать? Или
нет больше ни храброго, ни удалого?

— Есть еще один! — крикнул богатырским голосом витязь "светлая броня, ничьим копьем не оцарапана". — Не нужно, — говорит, — ворот отворять, моему коню высокий тын не помеха.

Глядь, уж стоит посреди поля. Разъехались добрые молодцы, тупым концом позабавились. Не успели глазом моргнуть, а угорский королевич лежит на земле. Повели витязя в палаты под руки, встречают его с кубками заздравными, подносит царевна венец ему, просит снять шлем богатырский. Снял витязь шлем, а под шлемом шлык:[7] так все и ахнули.

— Нет, — говорит царь хохлатский:— не пойдет моя дочь замуж за бритую голову!

— Царь-государь, — сказал витязь: — не в хохле дело, а дело в том, полюбит ли меня прекрасная дочь твоя; если любит, то я, изволь, отрощу хохол до пяты.

Царевна сладко очи потупила. А царь сказал:

— Ну, будь по-твоему, будь ты мне зять нареченный; проси у твоего родителя благословенья.

Поехал Тартаул к своему родителю просить благословенья жениться на единородной дочери царя хохлатского.

— Как? — говорит хан "бритая голова, плешь засаленная". — Чтоб ты женился на хохлачке, на бараньей голове?

Молил, молил Тартаул отца своего — ничто не берет.

— Ну, — говорит Тартаул: — если не позволяешь, так уж быть беде! Струсил хан: любил он сына.

— Хорошо, — сказал, — согласен. Только пусть дает в приданое за дочерью море.

Поехал Тартаул к возлюбленной невесте и говорит царю: так и так.

— Помилуй, твой отец с ума сошел! У меня и моря нет в целом царстве. Земли сколько хочешь!

— Хитер у меня отец! — сказал Тартаул. — Что делать? Есть, говорят, чародей Чугур; поеду, посоветуюсь с ним: у него есть на все отводы.

Приехал к Чугуру: жил он отшельником в горе; посреди леса сидел сиднем на пне и не двигался с места. Приехал, рассказал свое го-

ре: вот так и так, что делать?

— *Драку шти!* Черт знает! — сказал Чугур.

— Коли черт знает, так попроси его, сделай милость, научить, что делать.

— Что дашь?

— Что хочешь.

— Видишь: в вашем владенье, у Гнилого Моря, есть сто могил моих предков; перевези их все сюда, со всем, что в них есть.

— Изволь! хоть тысячу!

Обрадовался Тартаул и тотчас же отправил подводы на Гнилое Море. Вот их и перевезли на то место, где теперь Сута-Моджиле.

— Ну, — сказал Чугур: — спасибо! Я тебе услужу. Ступай к отцу и скажи, что царь хохлатский дает море в приданое дочери. Вези его на свадьбу.

Поехал Тартаул к отцу, говорит ему: так и так, будет море в приданое.

— Да откуда он взял море? — спросил хан.

— Не могу знать. Верно, было какое-нибудь.

— Быть не может. Поедем! А если моря нет, так нет тебе и согласия моего.

Поехали, подъезжают. Царь и царица их

под ручки принимают, за браные столы сажают.

— Ну, — говорит хан болгарский: — дочь твоя хоть куда царевна, а где же ее приданое? где же море?

— Где ж нам взять моря, любезнейший наш брат, хан болгарский...

Только что он сказал это, вдруг слышат шум, точно морские волны хлещут о берег. Глядь в окно: не река Прут течет, а бушует пространное море перед палатами.

— Ба, ба, ба! Да как же это сказали мне, что в твоём царстве и моря нет? Да какое же это море? — спросил хан болгарский.

Царь хохлатский от удивленья не знает, что и говорить.

— У нас море Черное, а это море Проточное, — отвечает за него Тартаул-царевич.

— Если так, то сдержу мое слово. Сыграем свадьбу.

Вот начали играть свадьбу. Сыграли. Сели за браные столы. Вдруг прискакали гонцы из царства Ордынского к хану и говорят:

— Помилуй нас, хан великий, многомилостивый! Зачем позволил ты строить чертову

плотину на Пруте? Все наше царство пересохло. Черное море иссякло, ни капли воды нет.

— Как? — крикнул ордынский хан.

А тут же и к царю прибежали люди земские:

— Батюшка-царь, смилуйся! Зачем ты позволил царю ордынскому чертову плотину на реке Пруте строить? Вода разлилась по всему царству, вздулась словно море, все топит, подступает под твои царские палаты.

— Как? — крикнул и царь хохлатский.

А потом оба в один голос:

— Так такие-то вещи ты, царь хохлатский, со мной делаешь! Вздумал пересушить все мое царство? Плотины строить! Эй! ломать плотину!

— Так такие-то вещи ты, хан болгарский, со мной делаешь! Плотины строить? Вздумал затопить все мое царство? Эй! ломать плотину!

— Едем, сын!

— Пошла, дочь, в свою светелку!

— Помилосердуйте, любезнейшие родители! Плотину не вы строили, ни царь хохлатский, ни хан болгарский, а плотина сама по-

строилась на мое счастье.

— Как?

— Да так. Позвольте, я пойду с народом снесу ее.

Вот и принялись ломать плотину. Ничто не берет, ни лом, ни топор. Как быть? Поскакал Тартаул-царевич к Чугуру. Нет его на пне; искать, искать — а он поселился в пещере, вот что со стороны дороги, и сидит там молча.

— Благодетель ты мой! — говорит Тартаул-царевич: — помоги! Вот так и так: плотина твоя затопила царство хохлатское, пересушила все земли болгарские... Помоги, сделай спуск!

— Нелегко, тут от руки ничего не сделаешь; надо прогрызть зубами.

— Помилуй, какой зуб возьмет?

— Надо попросить зубатого.

— Попроси кого знаешь!

— Что дашь? Да постой, не нужно. Обещай сослужить мне службу: холодно мне стало на белом свете; перенеси ты мои косточки туда, где сто могил моих предков, и приодень землицей.

— Изволь, дедушка Чугур, целой горой за-

валю твои косточки.

— Ну, добре, ступай: будет по-твоему.

Как настала ночь, дедушка мой стоял здесь на карауле; служил он в чередном казачьем полку на границе. Стоит себе, как я, пика в сошках, а голая сабля на руке — вдруг видит, кто-то идет. — Кто тут? Убью! — Здешний, — откликается: — "мошуль[8] зубатый". Как взглянул на него дедушка мой, так и остолбенел: черные зубы из пасти, точно тын железный. Как начал он, ни слова не говоря, грызть каменную плотину, так и хрустят камни; погрызет-погрызет, да оселком зубы поточит. К утру прогрыз вот, как видите, целые ворота, да не остерегся: вода как хлынет вдруг, сбила его с ног и понесла; только его и было.

Вот царь с ханом видят, что дело пришло на лад; помирились и принялись снова пировать.

Как оженился царевич, сдержал слово Чугуру, перенес его, посадил посреди Ста-Могил, прикрыл землицей. Вот самый большой курган — это его, сто первый.

— Видишь, хан болгарский, — сказал царь хохлатский: — чего нет, того и не проси.

Царь и хан наделили молодых свежими землями, собрали всех молодцов и всех красных девиц и отдали им в приданое. Вот и пошли пиры и «младованье». Я там был, мед пил, по усам текло, а в рот не попало!"

— Спасибо, казак! вот тебе на придачу.

— Покорнейше благодарю, ваше благородие! Если угодно, мы и еще кой-что порасскажем, например про Надежду-царевну "магнитные глазки".

— В другой, брат, раз!

— Я говорил, что это плотина...

— Ты прав, ты прав, Лезвик. Теперь мы знаем, что и Сто-Могил не обвал.

— Смейтесь!

— Пора обедать, господа, — сказал Рацкий, и все отправились к нему на квартиру. Стол уже был готов. После обеда привели верховых лошадей, все вооружились хлыстиками, засели на коней и — на луг. Начались «бары», или игра в войну.[9] Потом, во время чая, по обычаю, началось очередное чтение: повестей, стихов, статьи ученой, военной. Каждое произведение поступало в рукописный сборник, которого части, по прошествии известного

времени, разыгрывались по жребию — кому достанется в память товарищества и молодости лет, проведенных не без пользы.

День прошел. Пора по домам.

— Господа, в следующее воскресенье ко мне. Кстати, я и именинник, — сказал Светов, прощаясь с товарищами.

— Что, и назад на колеснице воловьей?

— Нет, покорно благодарю? Еду на легких.

Четверка лихих коней, управляемых Афанасьевым, стояла уже у подъезда. Светов вскочил в каруцу и при свете ночного светила помчался в Каменку, где бедная Ленкуца таяла от ревнивой любви.

В продолжение всей недели она не показывалась на глаза «юному». Чем свет уедет в поле, воротится поздно или уйдет в касу своей тетки и ткет ей ковры.

Воскресенье приближалось. Светов распорядился к приему гостей. Подле дома не было сада: лес близок, нипочем; в один день весь двор обратился в сад, усыпанный свежей, душистой травой и цветами. За десять рублей "чиновник-ди-исправничия"[10] привез десять возов разных плодов: воз арбузов, воз

дынь, яблок, груш, персиков, абрикосов, слив, волошских орехов, вишень, винограду, а усердная команда развесила все на деревья. Для гостей на кухне шпарят и потрошат баранов, уток, гусей и цыплят; на погребе заготовлено янтарное «Одубешти», полынковое и мускатное; для джока выписаны цыгане музыканты; для громады взято в корчме несколько ведер раку.[11] Чучела на вехе одета в новую красную рубашку.

Настало воскресенье. «Юный» проснулся грустен, ходил в церковь. Его поздравили с именинами денщик, вся команда, вся громада. Парентий принес огромную просфору, а Ленкуца не идет поздравить его.

К полудню товарищи съехались, расположились на коврах, посланных на мягкой траве посреди арמידина сада,[12] курят трубки, беседуют в ожидании завтрака. Светов прилег на голой траве. Вдруг прошла Ленкуца в хату, взглянув мельком на Светова.

— Ба! *формошика*,[13] *формошика!* — крикнули все в один голос, увидев ее. — Не твоя ли хозяйка, Светов?

— Да, — отвечал он.

— Что ж ты покраснел?

— И не думал.

— Браво, браво, браво! — закричали все. —

Понимаем! Как умильно, нежно она взглянула на тебя!

— Мечта! Это, господа, суровая красавица, не слишком нежничает с нашим братом...

— *Фата формоза!*[14] — вскричали все снова, увидев Ленкуцу, которая вынесла из хаты прекрасный махровый ковер. Не обращая ни на кого внимания, она подошла к Светову и разостлала свое приданое. Но Светов не хотел обратить внимания на ее услугу. Ему стыдно было товарищей.

— Добрая хозяйка! Как она заботится о своем постояльце! А подарила ли ты ему что-нибудь в день именин?

— Нет еще! — сказала она. — Он, верно, сердит за это на меня.

И вдруг Ленкуца бросилась к Светову, обняла его, пламенно поцеловала. Он вспыхнул, она скрылась.

— Браво, браво! — повторили все, захлопав в ладоши.

Поздравления посыпались на бедного Све-

това.

Он надулся.

Этот случай помешал общему веселому расположению. Все как будто подозревали, что Светову веселее дома без гостей. И Светов что-то был невесел: он как будто сторожил, не придет ли Ленкуца, чтоб и ее поцеловать так же пламенно, но без свидетелей!

После обеда оживилось. Вдруг колокольчик.

— Кто это?

Афанасьев прибежал запыхавшись.

— Полковник едет, ваше благородие!

— Вот тебе раз!

Вскоре коляска остановилась подле хаты.

— С генералом, ваше благородие!

— Действительно, полковник, убей меня бог, прекрасное местоположение! — Здравствуйте, господа! Каким это образом вы все здесь?

— У именинника, ваше превосходительство.

— И прекрасно!

— Вот и все планшеты[15] здесь, ваше превосходительство, — сказал полковник.

— И прекрасно! Так я осмотрю работы и прямо отсюда в Хотин. Прикажите мне поменять лошадей. Г. Светов, вы сдадите свою съемку и поедете со мной.

Светов побледнел. Так поразили его эти слова.

— Мы выберем вместе места для смотров; вы снимете их и потом явитесь ко мне.

— Укладывайся! — сказал Светов денщику почти со слезами на глазах.

— Что, брат, горе! — говорили товарищи шепотом, подходя к нему по очереди.

— Что такое? — отвечал им Светов.

Вскоре свежие лошади были запряжены в коляску. Светов простился с товарищами, посмотрел кругом, нет ли где Ленкуцы? — Нет!

Только и видел он ее.

ПРИМЕЧАНИЯ

В Дополнения включены отдельные стихотворные и прозаические произведения Вельтмана, а также их фрагменты, иллюстрирующие творческую историю «Странника» показывающие, как развивались поднятые романом темы в последующем творчестве писателя. Часть предлагаемых сочинений Вельтмана и отрывков публикуется впервые, другие печатались при жизни писателя и с тех пор не переиздавались.

КОСТЕШТСКИЕ СКАЛЫ

РАССКАЗ

Рассказ был напечатан в "Одесском альманахе на 1840 год", а затем включен в сборник повестей Вельтмана, вышедший в 1843 г. Описывая жизнь офицеров-топографов, занятых полевыми съемками, автор обратился к собственным воспоминаниям, вывел реальных людей, наделив их вымышленными фамилиями. Так, Светов — это сам автор, передавший немецкое значение своей фамилии: Welt — "мир, свет", Mann — «человек». Фантанов — это Фонтон де Верайон; Рацкий — это

Полторацкий; Лугин — это Лугинин; все — офицеры по квартирмейстерской части, прикомандированные к военно-топографической комиссии. Ленкуца — уменьшительное молдавское от Елена. С предположением Е. М. Двойченко-Марковой, что Ленкуца — это Елена Кубе, нельзя согласиться. (О Елене Ивановне Кубе см.: Ю. Акутин. Загадка Елены Кубе. — "Наука и жизнь", 1976, № 6.)

Образ Ленкуцы вновь возникает в романе "Счастье — несчастье".

"Не без удовольствия можно прочесть рассказ Вельтмана "Костештские скалы"...", — писал В. Г. Белинский в рецензии на "Одесский альманах на 1840 год" (Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. IV. М., 1954, с. 122).

Примечания

Так называли молдаване офицеров свиты его императорского величества по квартирмейстерской части, производивших съемку земель Бессарабских (прим. автора).

[^^^]

Пионер — сапер.

[^^^]

мир сельский (прим. автора).

[^^^]

4

...в сюрсах — т. е. в козырях.

[^^^]

5

вооруженные всадники (молд.).

[^^^]

6

...по имени «Драку». — Имя «Драку» дали черту в память о воеводе Дракуле, прославившемся своей жестокостью.

[^^^]

7

Шлык — островерхая шапочка.

[^^^]

дедушка (прим. автора).

[^^^]

Игра колонновожатых в Асташове. Название, без сомнения, происходит от «васгја» — «сражаться» (прим. автора).

[^^^]

исправник (молд.).

[^^^]

фруктовая водка.

[^^^]

...армидина сада... — см. прим. 29 к ч. III.

[^^^]

красавица (молд.).

[^^^]

Прелестная девушка! (молд.).

[^^^]

Планшеты — приспособления, на которых во время съемок закреплялись карты и чертежные листы

[^^^]